СЕМЬЯ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

О.И. ШКАРАТАН,
Г.А. ЯСТРЕБОВ

Социокультурная преемственность в российской семье

(Опыт эмпирического исследования)*

В связи с официально принятым курсом на развитие человеческого потенциала и предполагаемым переходом к инновационному социально-ориентированному типу развития[1] актуализируются вопросы, связанные с оценкой реального характера воспроизводства человеческого капитала в современной России. В этой связи представляется важным исследовать роль социокультурных ресурсов семьи в формировании человеческого и культурного капитала детей.

Наше исследование опирается на материалы представительных опросов 1994, 2002 и 2006 гг. Его проблематика тесно связана с сюжетами большинства современных стратификационных исследований и является откликом на те тенденции, которые сегодня наметились в научном сообществе в связи с глобальным ростом социального неравенства и растущей ролью образования в социальной дифференциации. В последние годы в большинстве экономически развитых стран (за исключением разве что Скандинавского региона) на смену формальному неравенству в доступе к полному среднему и высшему образованию приходит более тонкое и гибкое фактическое неравенство в качестве образования и в объеме получаемого интеллектуального капитала. Механизмы селекции направлены на отбор в элитарные университеты наиболее подготовленных молодых людей. Постоянно возрастает вклад семьи с ее не только материальными, но и культурными ресурсами в воспроизводство физического, человеческого и властного капиталов новых поколений социально-продвинутых индивидов, в выращивание новой элиты.

Ни у кого не вызывает сомнений, что за последние годы проблема социального неравенства в России обострилась до предела и приняла угрожающие масштабы. Одним из основных факторов его роста на фоне всеобщей либерализации стала си-

* Работа выполнена при поддержке Научного фонда ГУ-ВШЭ: грант № 08-01-0075 “Культурная преемственность в семье как фактор накопления и эффективности реализации образовательных капиталов (к вопросу о динамизации развития человеческого потенциала в современной России)”.

[1] См. Концепцию долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации, утвержденную распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. (№ 1662-р).

Шкаратан Овсей Ирмович – доктор исторических наук, ординарный профессор Государственного университета – Высшей школы экономики (ГУ-ВШЭ), главный редактор журнала ”Мир России”.

Ястребов Гордей Александрович – научный сотрудник Центра фундаментальных исследований ГУ-ВШЭ.

стема образования, претерпевшая серьезные изменения в связи с коммерциализацией соответствующих услуг и неподконтрольным ростом числа негосударственных образовательных учреждений. Эта система повторяет спорный англосаксонский опыт, когда происходит дифференциация образования на массовое и элитарное, формально совпадающие по числу лет обучения и вручаемым выпускникам сертификатам, но в реальности радикально отличающиеся друг от друга из-за разницы в объеме фактически приобретаемого человеческого и социального капиталов. Причем доступ к элитарному образованию в значительной степени связан не столько со способностями, проявленными на вступительных экзаменах, сколько с социально-экономическим статусом семей, наличием неформальных связей и пр. [Шишкин, 2005, с. 84; Социальная… 2005]. Это лишь усугубляет ситуацию с неравенством и не соответствует функции образования как главного "социального лифта" в современном обществе.

В отечественной литературе проблема усиливающейся дифференциации образования, как правило, исследуется с точки зрения его доступности определенным слоям населения. Так, в работе, выполненной по материалам опроса, проведенного фондом "Общественное мнение" осенью 2002 г., была предпринята попытка проанализировать влияние на индивидуальные образовательные стратегии детей таких факторов, как материальное положение семьи, уровень образования родителей, размер материальных затрат на подготовку и пр. [Градосельская, 2003]. Основываясь на полученных результатах, автор приходит к выводу о том, что в России активно воспроизводится наиболее обеспеченная в ресурсном плане социальная группа (высшая страта). Эта группа проявляет бóльшую по сравнению с малообеспеченными семьями готовность инвестировать средства в образование детей. В то же время отсутствуют значимые расхождения в образовательных стратегиях у различных доходных групп при одинаковом уровне образования родителей. Однако справедливости ради стоит заметить, что в этой работе осталось, по существу, нераскрытым влияние семьи как особой институциональной микросреды, обеспечивающей воспроизводство социального неравенства через включенность детей в культуру определенного типа.

Особое место в отечественной науке занимают многолетние исследования Д. Константиновского, который десятилетиями ведет мониторинг взаимосвязи характера социального неравенства, его динамики в нашем обществе и системы образования. Будучи ближайшим сотрудником и восприемником выдающегося российского социолога В. Шубкина, инициатора получивших мировое признание изысканий в области ценностных ориентаций и выбора профессии выпускниками школ, он обобщил грандиозный круг наблюдений за 1960–2000-е гг. [Константиновский, 2008].

Мы познакомились с этой книгой, когда наш исследовательский проект был практически завершен. Можем отметить, что основные подходы и выводы у нас и у Константиновского совпадают. В подтверждение приведем следующее суждение: "Неравенство в доступе к образованию – имеется в виду качественное образование, его высокий уровень, то есть дающее возможности для социальной мобильности – остается важной проблемой общества. Приходится констатировать: за годы, на которые возлагались большие надежды как на период демократизации, в сфере образования ярко проявился обратный эффект – социальная дифференциация не только сохранилась, но и возросла. Если к анализу ситуации в обществе в целом прибавить данные по образованию – общему среднему, среднему специальному и высшему, неизбежен вывод: социальная дифференциация усилилась и помолодела" [Константиновский, 2008, с. 481]. Однако заметим, что проблемы семьи как социального института диахронной трансляции социокультурной информации, носителя человеческого, социального и других капиталов как ресурсной базы социально-статусной динамики последующего поколения в этой монографии не рассмотрены.

Чрезвычайно большое влияние на характер и содержание полемики по всему спектру проблем, связанных с деятельностью социального института "образование", оказал доклад, подготовленный от имени и по поручению Общественной палаты Российской Федерации большой группой профессионалов под руководством Я. Кузь-

минова [Образование… 2007]. В этом документе уделено внимание и проблеме функции образования как средству преодоления социальных барьеров и консолидации общества. Опираясь на результаты социологических исследований, авторы доклада приходят к выводу, что в России образование в значительной мере не только перестало быть "социальным лифтом", но напротив, во многих своих секторах становится инструментом консервации барьеров между различными социальными и культурными группами.

Авторы отмечают, что на фоне нараставшей коммерциализации системы профессионального (особенно высшего) образования государственная общеобразовательная школа рассматривалась как защищенный институт, обеспечивающий социальное равенство. Соответственно, основные усилия общественности были направлены на недопущение туда коммерческих механизмов. Однако сохранение по сути советской организационно-экономической формы школы происходило в условиях резкого социального, территориального и экономического расслоения населения. Уже в начале 1990-х гг. реальное финансирование школы из бюджета резко сократилось и весь последующий период оставалось явно недостаточным, составляя всего 22,9 тыс. руб. в расчете на одного ученика (в текущих ценах), что ниже, чем по всем другим уровням образования [Образование… 2007, с. 8]. В результате в системе общего образования сформировались опасные для социальной стабильности общества зоны фактического неравенства. При этом надо подчеркнуть, что платность всерьез не была допущена в массовую школу и не стала существенной причиной неравенства. Однако сохранение в основном бесплатной школы не остановило другие факторы расслоения: культурный и территориальный. Соглашаясь с этими суждениями, мы можем вновь подчеркнуть надобность усиления внимания к повышению ресурсной обеспеченности семей, особенно образованной части нашего населения, чтобы максимизировать действие фактора "равенства шансов" для одаренной части молодежи – выходцев из малообеспеченных семей. По-видимому, в этом контексте оправданно обсуждать вопрос об элитарном и обычном образовании как "социальных лифтах" для выходцев из низов.

Роль семьи в формировании структуры социального неравенства была проанализирована в [Мкртчян, 2005], где отмечается, что в современной России социальная стратификация воспроизводится не только распределением собственности и власти, но и доступом к интеллектуальным ресурсам. В частности, в работе утверждается наличие в современном российском обществе прямой связи семейного происхождения с образовательной стратификацией как одним из условий воспроизводства социальной структуры через культурный капитал. Автор полагает, что несмотря на ухудшение материального положения современной "интеллигенции", занятой преимущественно в бюджетных сферах (образовании, здравоохранении, науке и т.д.), выходцы именно из этой группы особенно интенсивно пополняют ряды лиц с высшим образованием [Мкртчян, 2005, с. 105]. И хотя этот вывод основывается на обнаруженной им связи между сравнительно низким уровнем семейного дохода и высоким образовательным уровнем родителей в соответствующей группе респондентов, неясно, как меняется роль материального статуса родительской семьи в других социальных группах, представляющих разные социокультурные типы семьи.

Вопросы равенства шансов, опыта в этом отношении наиболее развитых постиндустриальных стран обсуждаются в публикациях В. Вахштайна (см., например, [Вахштайн, 2005]). В его же статье, написанной совместно с Д. Константиновским и Д. Куракиным, рассмотрены две альтернативные стратегии улучшения ситуации с "выравниванием шансов" в России. Первая стратегия (условно социал-демократическая) основана на абсолютном приоритете доступности общего образования. В основе второй стратегии, названной либеральной, лежит признание ценности образования. В рамках первой стратегии лежат меры по выравниванию шансов получения всеми качественного общего образования. Метод решения задачи – социальная политика, направленная на устранение институциональных, экономических, социокультурных и территориальных факторов, препятствующих получению качественного образования.

Вторая стратегия предполагает увеличение числа качественных учебных заведений и обучающихся в них. Основные меры лежат в русле самой образовательной политики, а не в широком спектре социальной политики. Авторы рекомендуют отдавать приоритет мерам либеральной стратегии без учета реальных ресурсов семей школьников [Константиновский, Вахштайн, Куракин, 2008, с. 155].

Много работ, посвященных изучению доступности образования в нашей стране, принадлежит перу Я. Рощиной. В них не только обстоятельно изучены теоретические подходы к изучению этой проблемы, но и осуществлен ряд эмпирических исследований в контексте реформирующейся системы образования. Автор активно привлекает инструменты математического анализа, в частности регрессионного, для оценки моделей, объясняющих шансы детей на получение высшего образования в зависимости от целого ряда социальных и экономических переменных (размер семьи, уровень доходов, образование родителей, персональные характеристики, качество преподавания в школе, регионально-территориальный фактор и пр.). Однако, несмотря на сомнительность использования в подобного рода моделях большого количества переменных (в одной из работ исследовалось влияние порядка 30 [Рощина, 2003, с. 69–71]), все же не раз было установлено, что одним из главных факторов, предопределяющих образовательные стратегии детей, является образование самих родителей (см. в частности [Рощина, 2005, с. 73]). К другим факторам, значимо связанным с шансами на получение высшего образования в России, также отнесены размеры затрат на подготовку, место проживания семьи, а также тип оконченной ребенком школы. При этом нигде нами не обнаружено однозначной оценки материального положения семьи как фактора, ограничивающего доступ к образовательным услугам и сдерживающего расширенное воспроизводство человеческого и культурного капитала в определенных слоях населения.

Знания и компетенции, приобретаемые в учебных заведениях разного качества, связаны с тем, что и сам рынок труда сегментируется по-новому: в силу развития информационной экономики образуются новые секторально-отраслевые блоки экономической активности, в которых востребованы люди, обладающие особыми знаниями и компетенциями, связанными с постоянным присутствием в трудовом процессе креативных компонентов. Прежде всего это относится к активно развивающейся сфере деловых услуг и информационно-коммуникационного сектора. Предварительный анализ материалов глубинных опросов, проведенных в ходе исследования соответствующих сегментов рынка в 2006–2007 гг. в Москве, показал, что основная масса работников, имеющих обычное высшее образование, не выдерживает конкуренции в этих сегментах [Шкаратан, Инясевский, Любимова, 2008]. Соответственно, возникает вопрос о специфических компетенциях и специфическом отборе людей, способных приобретать эти компетенции за счет особой культуры, накопленной прежде всего в семье.

Преемственность в семье как фактор воспроизводства социального статуса и человеческого потенциала

Изучение межпоколенной преемственности (закрепленности в социальном статусе) и, соответственно, межпоколенных перемещений (смены социального статуса у детей) было начато еще П. Сорокиным. Он, в частности, писал: “Под социальной мобильностью понимается любой переход индивида или социального объекта (ценности), то есть всего того, что создано или модифицировано человеческой деятельностью, из одной социальной позиции в другую” [Сорокин, 1992, с. 373].

Исследования, особенно широко проводившиеся в 1950–1970-х гг., раскрыли интенсивную мобильность среди мужской части населения США. При этом превалировала мобильность по восходящей линии. Более частыми были перемещения в пограничных стратах, а не через несколько ступеней. Низшие “белые воротнички” и низшие “синие воротнички” (включая неквалифицированных сельскохозяйственных рабочих)

реже всех наследовали профессии отцов и были высокомобильными. Низшие "белые воротнички" совершали в основном восхождение в высшие страты, хотя какая-то их часть была вынуждена перейти в разряд "синих воротничков". Подобным же образом сыновья из семей, относящихся к категориям низших "синих воротничков", чаще становились высшими "синими воротничками", а небольшая их часть проникала даже в разряд "белых воротничков". В итоге можно сказать, что американцы городского происхождения наталкивались на реальный барьер: "белые воротнички"–"синие воротнички", однако препятствие оказывалось относительно преодолимым.

После Второй мировой войны в условиях бурного экономического роста и в западных, и в "социалистических" странах сформировалось представление о социальной мобильности "с помощью образования". Но эти иллюзии постепенно развеялись. Образованные работники в иерархии власти и собственности занимают те же позиции, что и их менее образованные родители. Само образование также стратифицировалось, разделившись при формальном равенстве уровней (скажем, высшее) на элитарное, повышенное, "среднее" и с низким уровнем. Поэтому современная система образования скорее камуфлирует реальное неравенство, чем служит "лифтом" по выравниванию позиций. Социальные причины распределения власти и привилегий подменяются при этом их "естественными" причинами, связанными с индивидуальными природными способностями людей.

Первым, кто по-новому взглянул на систему образования, был П. Бурдье, доказавший, что, несмотря на широко распространенные требования равенства возможностей, элиты приспособили новые стратегии, чтобы обеспечить свою преемственность от поколения к поколению. Образовательная система стала ключевым моментом этих стратегий. С помощью педагогических методов, отношений между учителем и учениками, отбора учебных курсов и методов селекции экономически привилегированные и хорошо образованные дети получили преимущества по сравнению с менее привилегированными и менее обученными. Другими словами, образовательная система, несмотря на новейшие реформы и возросший уровень обучения в целом, не только не разрушила классовое и культурное неравенство, а скорее усилила его.

В целом теория воспроизводственной функции образования доказала, что родители с престижными занятиями способны использовать свои социально-экономические ресурсы, чтобы дать своим отпрыскам хорошее образование, что, в свою очередь, помогает детям занять престижные рабочие места. Бурдье делает акцент на культурном капитале. Он утверждает, что родители не только вручают детям образовательные "верительные грамоты", но также создают культурную среду, что содействует развитию разнообразных способностей, вознаграждающихся в образовательной системе.

Таким образом, воспроизводство классовых отношений, классовых привилегий включает и такую составляющую, как культурный капитал. Но это классовое отношение воспроизвести неизмеримо труднее, чем отношения владения. Оно воссоздается косвенно, через получение хорошего образования. При этом, по Бурдье, культурный капитал – языковая и культурная компетенция. Он складывается с чтением книг, посещением музеев, театров, концертов, освоения манеры речи и межличностного общения и т.д. Сюда добавляется образовательный капитал – личная собственность обладателей дипломов и ученых степеней, полученных в тесной связи с классовой позицией родителей.

По мнению Бурдье, репродуктивная функция школы есть следствие действий господствующих классов, обеспечивающих свое воспроизводство. В ранние периоды промышленного капитала "воспроизводственная стратегия" собственников была прямым переносом (передачей) прав собственности. После Второй мировой войны популистское требование равенства образовательных возможностей, так же как и рост отделения собственности от управления фирмами, установление "рациональных" процедур подбора и продвижения менеджеров, вызвали надобность в менее прямых стратегиях социального воспроизводства. Собственники крупных состояний приспособили новую стратегию, конвертируя экономический капитал в образовательный.

Используя свои экономические ресурсы для получения хорошего образования детьми, они смогли закрепить позиции части своих наследников. Конечно, эта стратегия наиболее успешна для тех, кто сами обладали солидным культурным и образовательным капиталом.

Все это, естественно, не отрицает возможности достижения академических успехов для талантливых индивидуумов вне зависимости от их происхождения. Но такие случаи не массовы. Ведь образование есть путь к занятию позиций контроля в экономике, что в современных условиях более значимо, чем владение собственностью. Однако есть области деятельности, где без стартового капитала не занять высокой социальной позиции [Bourdieu, Passeron, 1977; Bourdieu, 1981; Robinson, Garnier, 1985].

В 1970–1980 гг. во Франции воспроизводственный подход получил дальнейшее развитие у сторонников концепции антропономии, критически оценивших пригодность современных теорий социальной мобильности для объяснения проблемы детерминации человеческих судеб. Теории социальной мобильности не раскрывают целостной картины жизни индивидов в социальной структуре общества; они не смогли даже заложить своих собственных основ. Встречно ими была предложена концепция антропономического процесса[2], который определяется как целостный процесс производства, распределения и использования людей в классовой структуре общества[3].

Д. Берто выдвинул в качестве основной задачи исследователя анализ структуры общественных отношений, определяющих социальные траектории людей, то есть человеческие судьбы. Существенными при этом оказываются два момента: начало этих траекторий (место семьи, где человек родился) в классовой структуре общества, а также кривая дальнейшей социальной жизни человека. При таком подходе проблема социальной детерминации судеб людей может изучаться как проблема распределения людей по различным сферам социальной жизни или по различным уровням социальной стратификации. Нельзя добиться равенства шансов при неравенстве условий жизни, заключает автор.

Сторонники антропономической концепции считают некорректным определение социального положения человека, исходя только из его профессии: необходимо учитывать его индивидуальные характеристики, особенно отношение к жизни, к выполняемым функциям. Понятие “человек” при этом рассматривается не как отображение отдельной личности, а как элемент социальной группы. В связи с этим процесс антропономического распределения (ключевое понятие, означающее распределение людей по разным социальным группам) изучается не как сумма индивидуальных перемещений, а как система коллективных потоков, в известной мере питающих социальную стратификацию. Их невозможно изучать вне представления об этой стратификации как в общетеоретическом, так и в конкретно-историческом плане.

Какие же фундаментальные отношения предопределяют этот процесс? Сорокин отводил ключевую роль семье и школе, Вебер – рынку труда. Но, по Берто, эти концепции ошибочны, так как, пройдя семью и школу, люди вовсе не предоставлены своей собственной судьбе; напротив, направления траекторий их жизни в основном предопределены самим местом в мире труда и капитала.

Человек в своей жизни проходит этапы, которые характеризуются рядом разнородных понятий: рождение, выращивание, социализация, воспитание, обучение, рынок труда, мобильность, женитьба, потребление и др. Антропономический подход притязает на воссоздание этого единства. Не случайно в “Cahiers d’antroponomie” в подзаголовке подчеркнута их междисциплинарность. Суть заключается в стремлении охватить противоречивое единство, составляющее антропономический процесс, не на уровне его “продуктов” людей, а на уровне исторически детерминированных социальных отношений. Здесь, в частности, важны социально обусловленные отношения в

---

[2] Термин “антропономия” включает два греческих слова – антропос (человек) и номос (закон).

[3] В 1983–1989 гг. также выходили “Cahiers d'anthroponomie”.

семьях, организация быта, досуга, жилой среды. Социальная политика государства в этой сфере направлена на внедрение определенной формы существования работников вне работы, которую можно определить как "рабочебуржуазную форму". Антропономический анализ раскрывает также ряд специфических механизмов, посредством которых различные классы воспроизводят себя в своих детях. Среди них четыре главных:

– передача капитала, обеспечивающая воспроизводство слоя капиталистов;

– наследование земли и мелких средств производства, обусловливающее воспроизводство крестьян, мелких торговцев и ремесленников;

– система образования, создающая условия для воспроизведения руководителей и лиц свободных профессий;

– отсутствие всех этих факторов, предполагающее воспроизводство наемных работников.

Заключая краткий экскурс в антропономический подход и его место в изучении социального воспроизводства, хотелось бы, тем не менее, обратить внимание на ограниченность аналитического инструментария, используемого его сторонниками. Имея дело с человеческими судьбами, сложными жизненными траекториями отдельных индивидов, они опираются преимущественно на результаты качественных этнографических исследований, глубина и тщательность которых не может в полной мере возместить недостаток, связанный с получением выводов, как правило, на основе непредставительных данных, не распространяемых на общество в целом (см. например, [Берто, 1997; Берто, Берто-Вьям, 1992; Биографии... 1996] и др.). Таким образом, антропономический анализ не дает системного взгляда на процесс социального воспроизводства.

Решающую роль в переосмыслении проблемы подлинных серьезных различий экономического и социокультурного статусов семей рабочего и среднего классов в характере образовательных стратегий и межпоколенной преемственности социальных статусов (при перемене конкретных занятий) сыграли работы Дж. Голдторпа, Э. Гидденса и других британских социологов. Результаты фундаментального исследования, проведенного знаменитой кембриджской группой социологов в составе Дж. Голдторпа, Д. Локвуда, Ф. Бечхофера, Дж. Платта в течение 1960-х гг., четко обосновали и подтвердили на надежном эмпирическом материале суть характерологических различий между работниками физического и умственного труда и развеяли сложившийся в конце 1950-х гг. миф о сближении рабочего класса со средними слоями [Goldthorpe… 1968; 1969].

Распространению этого мифа способствовала ставшая, можно сказать, общепризнанной идея о принятии рабочими образа жизни и системы социальных норм и ценностей, присущих средним слоям. Голдторп и его коллеги выявили, что, несмотря на улучшение благосостояния рабочих, стиль их жизни и отношение к карьере детей существенно не изменились. Оказалось, что у представителей рабочего класса отличные от "белых воротничков" карьерные мотивы. Ими движут в основном материальные факторы, а отнюдь не возможности карьерного роста, повышения социального статуса детей или иные социально-психологические стимулы. Большинство рабочих заявили, что их жизненная цель – заработать как можно больше денег, а затем перейти на более легкую работу или уйти на покой.

Исследователи также выяснили, что в целом по сравнению со служащими у представителей рабочего класса ниже шансы на продвижение и повышение уровня дохода в будущем. В отличие от представителей среднего класса они не были склонны к долгосрочному планированию семейного бюджета, расширению и обогащению социального и культурного капиталов. Многие рабочие стремились дать своим детям хорошее образование, но руководствовались при этом не желанием повысить их социальный статус и ввести в "высший круг", а надеждами обеспечить им хороший заработок. Общественно-культурная жизнь "синих воротничков" менее активна и разнообразна, свое внерабочее время они в большей степени склонны проводить дома в семейном кругу.

Много лет спустя по этому же поводу Голдторп заметил: “Мы хотим объяснить, например, не столько, почему дети докторов имеют склонность стать докторами или дети шахтеров – стать шахтерами; сколько, почему большинство из детей докторов, которые не становятся докторами, с намного большей вероятностью займутся другими видами интеллектуальной или организаторской деятельности, а не ручным физическим трудом с почасовой оплатой; и, соответственно, почему дети шахтеров, не пошедшие по стопам своих отцов, с большей вероятностью будут заниматься схожими видами деятельности, нежели работать в интеллектуальной или управленческой сферах”. [Goldthorpe, 2002, p. 209].

Рассматривая соотношение нового среднего класса и рабочих, Гидденс подтвердил идею Голдторпа и его соавторов относительно существенных различий между обеспеченной квалифицированной частью рабочего класса и новым средним классом, включая различия стратегий относительно будущности своих детей [Giddens, 1995]. А выдающийся британский антрополог и социолог Э. Геллнер выделил чрезвычайно важную особенность нового среднего класса, которая являет собой, по его выражению, “апофеоз буржуазного видения жизни”: “Добровольный, ничем не ограниченный труд, творчество – вот наша цель и наша судьба… Отчуждение человека от своей истинной сущности неизбежно сохраняется до тех пор, пока он вынужден работать во имя чуждых ему целей; он обретает свою истинную сущность лишь тогда, когда начинает трудиться во имя творчества, форму которого он выбирает самостоятельно. Разумеется, это в точности соответствует жизненному идеалу среднего класса. Производительная деятельность служит для его представителей источником гордости, они сами выбирают для себя форму творчества и понимают, что делают. Труд для них – не непонятная обязанность, обусловленная внешними силами, а подлинная самореализация” [Геллнер, 2004, с. 243–244].

В одной из последних фундаментальных публикаций по рассматриваемой проблематике [Mobility… 2006] подытожены результаты исследований большой группы специалистов, при этом предпринята попытка продемонстрировать возможности междисциплинарного подхода, объединить сугубо социологический и экономический ракурсы. В контексте доминирующего уже несколько десятилетий эмпиризма в исследованиях социальной мобильности, объединившиеся в данном сборнике авторы обращают внимание на необходимость активизации теоретического поиска для создания более совершенных аналитических моделей, адекватно описывающих социальную реальность.

Особое внимание уделено анализу влияния растущего социального неравенства на формирование новых образцов межпоколенной мобильности. В частности, ряд статей содержит фактуальные подтверждения тому, что в современных развитых обществах уменьшающееся (по существу ограниченное) равенство возможностей приводит к возрастающему реальному неравенству выходцев из семей с разным социальным статусом в построении карьеры.

В ряде статей этого сборника, подводящих итоги многолетним исследованиям, авторы рассматривают возрастающую положительную связь между социально-экономическим статусом родителей и их выросших детей в 1980-е и 1990-е гг. Они обращают внимание на то, что ни одно демократическое государство не удовлетворено сложившейся ситуацией, в результате чего страны начали проводить политику, направленную на уменьшение влияния семьи на жизненные шансы ребенка. Обсуждаются две принципиальных проблемы: 1) обеспечение равенства возможностей не подразумевает устранения обществом наследуемых в семье специфических ценностей, установок и способностей; 2) показатели межпоколенной связи экономического положения не могут адекватно отражать то, насколько успешно реализуется в обществе этот принцип. В связи с этим встает необходимость четкого разделения личностных факторов (внутрисемейные ценности и установки) и внешних факторов, таких как социальная среда и система институтов в данном обществе, обеспечивающая доступ к ресурсам образования.

Проводится специальный анализ образовательных стратегий семьи по отношению к детям в зависимости от комбинации образовательных статусов отца и матери. Установлено, что родительские достижения в образовании задают минимальный уровень достижений ребенка при ухудшающихся возможностях мобильности в каждом последующем поколении. Авторы также обращают внимание на гендерные различия во влиянии образованности родителей на образовательные стратегии семьи по отношению к детям, а также зависимость этих стратегий от количества детей. Из рассматриваемых в исследовании стран меньше всего эти различия проявляются в США. Кроме того, показано, что различия в особенностях национальных культур определяют характер связи статусов семей и степени неравенства шансов в обществе.

За последние годы сюжеты многих стратификационных исследований стали откликом на тенденции, наметившиеся сегодня в научном сообществе в связи с глобальным ростом социального неравенства и растущей ролью в социальной дифференциации ресурсов семьи. Прямое тому свидетельство – прошедшие в 2008 г. в Швеции, Швейцарии, Италии международные социологические конференции, где эти вопросы либо вынесены в центр повестки мероприятия, либо обозначены одним из приоритетных направлений. Отметим также подготовку в том же году специального выпуска по проблемам семейных стратегий и образования в одном из наиболее известных журналов, освещающих вопросы социального неравенства и мобильности, – "Research in Social Stratification and Mobility".

Семья, будучи важнейшим элементом социальной среды, обеспечивает первичное включение индивида в систему социальных связей. Она характеризуется многообразным набором выполняемых видов деятельности – ее социальных функций. Среди них и основная специфическая функция, непосредственно связанная с воспроизводством социальной структуры, – обеспечение социального воспроизведения индивида.

Положение семьи как агента воспроизводства социальных отношений и связей в обществе двойственно. С одной стороны, через нее накапливается и передается социальный опыт предшествующих поколений в форме традиций, ценностных ориентаций. При этом семья активно влияет на процесс социализации личности. С другой стороны, семья сама подвержена воздействию социальной макросреды, будучи одним из социальных институтов общества, тесно связанным и зависящим от характера развития как социальной системы в целом, так и отдельных ее институтов. С этой точки зрения семья выполняет роль связующего звена между индивидом и объективными реалиями макро-, мезо- и микросреды; она является проводником ценностей и традиций, господствующих в данной социальной системе; ей общество делегировало часть своих полномочий по социализации вступающих в жизнь индивидов. Именно семья во многом готовит индивида к приобретению определенного социально-профессионального статуса и достижению определенного уровня образования, а также к определенному характеру внепроизводственной деятельности. Эти и другие функции семья осуществляет посредством формирования ценностно-трудовых, ценностно-образовательных, потребительских и других ориентаций индивида. Иными словами, социальное происхождение оказывает определенное влияние на первоначальное социально-профессиональное положение индивида и его дальнейший жизненный путь, и потому его анализ приобретает существенное значение.

Функции семьи в воспроизводстве индивида с его социальным статусом, человеческим и культурным капиталом переплетаются с функциями института образования. Система образования призвана обеспечить индивиду общее развитие, подготовку к социальной деятельности, включая не только трудовую, служащую предпосылкой занятия определенной социально-профессиональной позиции, но и социокультурную, содействуя тем самым его включению в соответствующие сегменты потребительской ткани общества.

Для трудовой деятельности определенного характера и содержания требуется вполне определенный уровень образования. Достигая этого уровня, индивид формирует свои разнообразные потребности, предопределяет степень и форму их удовле-

творения. Важнейшей из них для человека позднеиндустриального и постиндустриального общества все более становится потребность в труде определенного качества, креативности, самоорганизованности. Реализуя ее на практике, индивид идентифицирует себя с конкретным социально-профессиональным слоем в социальной структуре. Таким образом, образование – та социальная характеристика индивида, которая наполняет процесс социального воспроизводства внутренним содержанием.

Анализ теоретических представлений о механизме межпоколенных социальных перемещений, обусловливаемых внутрисемейной преемственностью социальных характеристик, позволяет заключить следующее: в контексте функционирования социального института образования концептуальная схема воспроизводства культурного и человеческого капитала семьи представляет собой совокупность нескольких процессов – инвестиций в человеческий и культурный капитал родителей (потребление в сфере услуг образования и культуры), инвестиций в капитал детей и его реализации через профессиональный выбор обоими поколениями (характер и динамика межпоколенных и внутрипоколенных – карьерных – перемещений). Таким образом, в основу конкретного анализа социально-демографического воспроизводства нами положено исследование влияния факторов социального происхождения (семьи), уровня образования индивидов (системы образования), типа городской территориальной общности.

Данные и метод

Специфика нашей методологической позиции отражена в материалах представительных опросов января 1994, ноября 2002 и декабря 2006 гг., являющихся основной информационной базой исследования [Шкаратан, Ястребов, 2007]. В отличие от большинства современных отечественных и западных исследователей в области социальной стратификации мы придерживаемся позиции, согласно которой индивиды (в нашем случае – представители экономически активного населения современной России) рассматриваются как элементы определенной системы: либо социальной, где их действия и решения детерминированы местом в системе социально-экономических отношений, либо культурной, где действия определяются нормами и правилами, сложившимися в данной культуре (например, в “культуре бедности” или в “культуре среднего класса”). Таким образом, индивидуальное действие выступает прежде всего как результат не личностных качеств, а системных социальных переменных.

Потенциал наших опросов предоставляет широкие возможности для изучения обозначенной в статье проблематики. Структура опросного листа позволяет фиксировать ряд значимых социокультурных характеристик, таких как род занятий, материальное положение, уровень образования, место проживания респондента на нескольких этапах в его жизни, а также замерять аналогичные характеристики для предшествующих (родители респондента) и следующих (дети респондента) поколений. Благодаря этому, в отличие от своих коллег, мы имели возможность оценить не только взаимную обусловленность тех или иных социальных характеристик, но их эволюцию во времени и в межпоколенной динамике. Это тем более ценно, что собранная таким образом информация охватывает в том числе поколения, рожденные и воспитавшиеся в среднесоветскую эпоху, что позволяет системно подойти к характеру межпоколенных перемещений и преемственности социокультурных характеристик. Мы имеем дело не просто со статичными образами населения, где социальные характеристики выступают как определенная данность, а с историями социализации и развития индивидов, благодаря чему удается раскрыть неслучайность происхождения этих характеристик. В частности, основываясь на концептуальном подходе, изложенном выше, нами предполагалось выяснить зависимость траектории индивидуального жизненного пути от социальной микросреды, а именно – состояния культурных ресурсов родительской семьи, а также собственной семьи респондента, определяющих стратегии поведения родителей и респондентов в воспроизводстве человеческого

капитала следующих поколений, а также исследовать возможности использования культурных ресурсов мезосреды, то есть поселений.

Для анализа материалов представительных опросов помимо традиционных статистических методов, позволяющих оценить простейшие связи и установить значимости между отдельными социальными признаками (анализ таблиц сопряженности, корреляционный анализ), мы также применили метод регрессионного анализа для оценивания параметров вероятностных моделей, в которых предполагалось одновременное влияние нескольких факторов на вероятность выбора семьей той или иной культурно-образовательной стратегии. Состав независимых факторов – уровень фактического денежного дохода на одного члена семьи, наличие у респондента и/или его партнера высшего образования, наличие высшего образования у респондента и у хотя бы одного из его родителей – в моделях не менялся. Менялась лишь зависимая переменная – факт, отражающий выбор семьей той или иной культурно-образовательной стратегии. Для оценки параметров модели использовалась логистическая регрессия. Тестирование на наличие мультиколлинеарности в моделях во всех случаях свидетельствовало о ее незначительности. Вкупе с относительно высокими (для социологических данных) показателями объясняемой вариации зависимой переменной это позволило интерпретировать полученные в ходе оценки результаты как надежные.

Преемственность в разрезе возрастных когорот, типов поселения и социально-профессиональных слоев

Первая из приводимых таблиц дает обобщенную характеристику трех основных поколений без выделения динамики по отдельным возрастным когортам. При всей неоднозначности она позволяет выявить некоторые тренды в динамике социально-профессиональной структуры занятого российского населения в период экономического спада 1990-х и подъема 2000-х гг. В частности, обратим внимание на столь часто обсуждаемые (в связи с их неблагоприятным положением) группы профессионалов. Данные трех опросов свидетельствуют о неуклонном снижении представителей данных групп не только среди самих респондентов (с 28,5% в 1994 г. до 16,4% в 2006 г.), но и среди предшествующего им поколения, то есть их родителей, причем наиболее резко эта тенденция проявилась среди отцов – с 32,6% в 1994 г. до 11,2% в 2006 г. – по сравнению с матерями, где их снижение было незначительным (с 24,7% до 20,0% в соответствующие годы).

Однако промежуточные данные опроса 2002 г. позволяют предположить, что данная действительно угрожающая тенденция сменилась на относительную стабилизацию. Это заметно, во-первых, в связи с определенным ростом доли высококвалифицированных профессионалов среди респондентов (с 3,4% в 2002 г. до 4,2% в 2006 г.), равно как и среди их старших детей (с 3,9% в 2002 г. до 4,9% в 2006 г.), и во-вторых, в связи с замедлением тенденции к сокращению доли “рядовых” профессионалов с высшим образованием, что также заметно как по составу респондентов, так и их детей. Все это, тем не менее, вызывает определенную тревогу в связи с утратой страной значительной части ее интеллектуальных ресурсов, столь же трудновосполнимых, сколь и необходимых для обеспечения конкурентоспособности экономики в условиях стремительного развития инновационно ориентированных западных, а также многих латиноамериканских и азиатских стран.

Обращают на себя внимание тенденции расширенного воспроизводства работников квалифицированного физического труда: от опроса к опросу вплоть до кризиса, начавшегося в 2008 г., росла доля представителей соответствующих профессий/занятий среди как родителей респондентов (26,1% в 1994 г. до 51,5% в 2006 г. у отцов и с 8,8% до 14,6% у матерей, соответственно), так и среди респондентов (с 24,4% до 32,3%), в том числе, среди их старших детей (с 19,6% в 2002 г. до 22,2% в 2006 г.). Наличие сильной инерции в динамике соответствующих показателей дает основание полагать, что пределы роста данной группы в составе трудового населения современ-

Таблица 1

Соотношение социально-профессиональных статусов трех поколений
(по представительным опросам 1994, 2002, 2006 гг., в %)

Социальный слой	Отец респондента	Мать респондента	Респондент	Старший сын/дочь респондента
1. Предприниматели	0,3 / 0,9 / 1,3	0,0 / 0,5 / 0,2	2,5 / 4,4 / 3,5	– / 2,9 / 3,1
2. Управляющие высшего звена и чиновники	1,5 / 0,6 / 1,5	0,1 / 0,2 / 0,0	0,6 / 0,6 / 0,4	– / 0,0 / 0,5
3.Управляющие среднего звена	2,4 / 3,2 / 2,1	0,9 / 0,9 / 1,6	2,0 / 1,8 / 3,3	– / 2,2 / 2,0
4. Руководители низового уровня	9,5 / 10,9 / 9,4	3,6 / 5,4 / 4,0	7,3 / 7,2 / 6,7	– / 6,1 / 4,9
5. Высококвалифицированные профессионалы	2,5 / 2,7 / 1,9	3,0 / 1,8 / 1,4	8,0 / 3,4 / 4,2	– / 3,9 / 4,9
6. Профессионалы с высшим образованием	30,1 / 10,6 / 9,3	21,7 / 16,0 / 17,6	20,5 / 14,2 / 12,2	– / 16,0 / 16,7
7. Работники со средним специальным образованием	8,1 / 2,2 / 3,0	18,4 / 17,3 / 15,6	18,5 / 14,0 / 11,8	– / 16,3 / 18,6
8. Технические работники (в торговле, обслуживании)	1,5 / 1,6 / 2,5	2,9 / 9,4 / 11,0	3,6 / 11,1 / 9,8	– / 17,0 / 17,0
9. Квалифицированные и высококвалифицированные рабочие	26,1 / 46,4 / 51,5	8,8 / 12,6 / 14,6	24,4 / 26,6 / 32,3	– / 19,6 / 22,2
10. Не- и полуквалифицированные рабочие	17,7 / 20,5 / 16,8	40,1 / 35,6 / 33,3	12,3 / 16,4 / 13,7	– / 15,6 / 9,2
11. Самозанятые	0,3 / 0,4 / 0,6	0,5 / 0,5 / 0,6	0,3 / 0,4 / 2,0	– / 0,3 / 1,0
Всего ответили (чел.)	1750 / 1848 / 2020	1488 / 1971 / 2079	1485 / 1951 / 2288	– / 588 / 612
Нет ответа (чел.)	259 / 566 / 471	521 / 443 / 412	524 / 463 / 203	– / 1826 / 1879

Примечание. По слоям указан процент представителей соответствующих слоев от общего числа ответивших. Через черту приводятся данные опросов 1994, 2002 и 2006 гг., соответственно.

ной России не исчерпаны. Эти тенденции были вызваны постоянно возраставшим спросом на работников данной категории со стороны работодателей, в основном за счет промышленных отраслей, сохранявших инерцию экстенсивного роста. При этом многими экспертами отмечалась острая нехватка соответствующих кадров на рынке труда, что не только подрывало конкурентоспособность действующих предприятий (в связи с ростом ставки заработной платы), но и серьезно ограничивало экономический рост неинновационного типа.

Что касается представителей низшей ступени социально-профессиональной иерархии – не- и малоквалифицированных рабочих, то в данном случае судить о какой-либо четко прослеживаемой тенденции представляется труднореализуемым. С одной стороны, шло снижение представителей соответствующих профессий/занятий среди матерей респондентов с 40,1% в 1994 г. до 33,3% в 2006 г., а также их

старших детей – с 15,6% в 2002 г. до 9,2% в 2006 г. С другой стороны, динамика оставалась неоднозначной для самих респондентов и их отцов: в структурах обоих поколений наибольший процент не- и малоквалифицированных рабочих наблюдался в опросе 2002 г. Общее же снижение их доли в 2006 г. можно объяснить возраставшим в 2000–2008 гг. иммиграционным потоком из стран "ближнего зарубежья", благодаря которому происходило вытеснение работников с российским гражданством в те сегменты рынка труда, где требовалась более высокая квалификация и имелся соответствующий спрос.

Обращает на себя внимание отсутствие значимых сдвигов в воспроизводстве социально-профессиональных групп управляющих. Их относительная доля в структуре занятого населения, равно как и взаимное соотношение во внутренней структуре (в которой нами были выделены руководители трех уровней – высшего, среднего и низшего звеньев управления), оставались неизменными на протяжении всего постсоветского периода. Довольно стабильными данные соотношения выглядят также и в составе представителей смежных поколений.

Вполне определенно наметилась тенденция к формированию и стабилизации в социально-профессиональной структуре населения слоя предпринимателей. По сравнению с предшествующими поколение респондентов демонстрирует относительно более высокий процент представителей соответствующих видов занятий. Однако заметна и смена тенденции от увеличения данной группы с 2,5% в 1994 г. до 4,4% в 2002 г. к ее некоторому сокращению (до 3,5%) к концу 2006 г. Примерно таков же характер динамики доли предпринимателей в социальном составе родителей и детей респондентов. Это подтверждает наблюдения других исследователей о неблагополучии с формированием слоя малых и средних предпринимателей, о переходе данной группы от расширенного воспроизводства к простому.

Что касается социально-профессиональной группы работников со средним специальным образованием, то здесь наше внимание привлек тот факт, что в поколениях и респондентов, и их родителей налицо тенденция к ее сокращению в социально-профессиональном составе населения: в старшем поколении их доля среди отцов снизилась с 8,1% в 1994 г. до 3,0% в 2006 г., для матерей – с 18,4% до 15,6%, тогда как в текущем – с 18,5% до 11,8%, соответственно. О вероятном торможении этой понижательной тенденции в грядущие годы могут свидетельствовать данные о доле работников со средним специальным образованием среди старших детей респондентов: она выросла с 16,3% в 2002 г. до 18,6% в 2006 г. Однако следует учесть, что речь идет о поколении, находящемся на начальных ступенях социальной карьеры.

Важную роль в воспроизводстве социально-профессионального статуса индивидов играет институт образования. Рассмотрим динамику образовательной структуры занятого населения России с 1994 по 2006 г. Как видно из таблиц 2 и 3, общий уровень образования российских работников в рассматриваемый период вырос. Это заметно прежде всего в связи с последовательным снижением доли занятых с образованием не выше девятых классов общеобразовательной школы: с 16,0% в 1994 г. до 5,7% в 2002 г. и 3,1% в 2006 г. При этом, однако, стоит обратить внимание на то, что пропорция наиболее образованных групп населения, включающих в себя работников со средним специальным и высшим профессиональным образованием, ведет себя менее предсказуемо. В частности, доля лиц с вузовским образованием (включая незаконченное высшее, магистратуру и аспирантуру), судя по нашим опросам, снизилась с 27,5% в 1994 г. до 26,5% в 2006 г. после значительного спада в 2002 г. (23,4%). Также снизилась доля работников, окончивших средние специальные учебные заведения: с 32,5% в 1994 г. до 30,8% в 2006 г. (в 2002 г. – 35,3%).

В целом, следует принять во внимание, что основная часть изменений в образовательной структуре занятого населения пришлась преимущественно на заключительные этапы переходного периода, охваченные материалами опросов 1994 и 2002 гг. Затем произошла некоторая стабилизация, на фоне которой наиболее значимой тенденцией стало увеличение работников с высшим образованием. Причем в ка-

Таблица 2

Распределение респондентов и их родителей по уровню образования
(данные опроса 1994 г., в %)

Уровень образования	Отец респондента	Мать респондента	Респондент
Неграмотный(ая)	5,0	10,4	0,0
Начальное	18,1	17,2	0,0
До 7 классов	12,4	12,7	4,1
7–9 классов	16,6	13,8	11,9
Полное среднее	13,5	13,5	24,0
Среднее специальное	17,1	18,7	32,5
Незаконченное высшее	1,5	1,5	4,6
Высшее	15,8	12,1	22,9
Всего ответили (чел.)	1849	1978	1982
Нет ответа (чел.)	160	31	27

Таблица 3

Распределение респондентов и их родителей по уровню образования
(данные опросов 2002–2006 гг., в %)

Уровень образования	Отец респондента	Мать респондента	Респондент
Не получили начального образования	6,2 / 3,6	8,9 / 5,6	– / –
Начальное или неполное среднее образование (до 7–9 классов)	31,2 / 25,0	30,5 / 26,1	5,7 / 3,1
Неполная средняя школа и профессиональная квалификация	– / –	– / –	7,7 / 6,7
Полное среднее образование	18,5 / 17,3	17,3 / 19,3	18,0 / 18,3
Начальное профессиональное образование, ПТУ	– / –	– / –	9,9 / 14,5
Среднее специальное (профессиональное) образование	27,5 / 27,9	28,1 / 31,1	35,3 / 30,8
Незаконченное высшее образование, бакалавриат	2,0 / 1,1	0,9 / 1,5	2,9 / 2,5
Высшее образование, степень специалиста	14,7 / 16,0	14,3 / 16,4	20,0 / 23,3
Магистратура, аспирантура	– / –	– / –	0,5 / 0,8
Всего ответили (чел.)	2146 / 2264	2371 / 2433	2414 / 2486
Нет ответа (чел.)	268 / 227	43 / 58	0 / 5

Примечание. По строке – доля респондентов с соответствующим уровнем образования от общего числа ответивших. В строке через косую черту приводятся данные 2002 г. и 2006 г., соответственно.

честве позитивной тенденции можно отметить рост общей образованности занятых в экономике, несмотря на довольно нестабильную социально-экономическую ситуацию в России, сложившуюся в последнее десятилетие XX в.

Рост уровня образованности всех категорий населения, будучи относительно самостоятельным процессом, стимулируется прежде всего потребностями экономики в рабочей силе определенного качества. В свою очередь, развивающийся индивид оказывает значимое воздействие на изменение структуры и качества рабочих мест. Этот процесс тем динамичнее, чем выше запросы производства на высококвалифицированные трудовые ресурсы и чем бóльшие возможности предоставляет индивидам социальная инфраструктура для полноценного гармоничного развития. Но следует

Таблица 4

Связь социального статуса респондентов с социальным положением их родителей и собственных детей (в коэффициентах Крамера)

Социальный статус	Социальный статус респондента в момент опроса			Социальный статус респондента в момент начала трудовой деятельности		
	1994 г.	2002 г.	2006 г.	1994 г.	2002 г.	2006 г.
отца респондента	0,109	0,136	0,135	0,099	0,132	0,147
матери респондента	0,121	0,144	0,136	0,137	0,135	0,161

Примечание. Все коэффициенты значимы на однопроцентном уровне значимости.

принять во внимание естественную потребность современного человека в росте образованности в связи с усложнением всей системы жизнедеятельности. Не случайно все шире применяется категория функциональной грамотности, объясняющая потребности общества в человеке не только как в производителе, но и как в потребителе и гражданине. Не случайны и идущие не только в России споры о соотношении фундаментальных знаний и компетенций в современном образовании. Это проблема противоборства социальных интересов работодателей и общества в целом.

Данные всех трех представительных опросов отчетливо свидетельствуют, что общий образовательный уровень респондентов значительно выше общего образовательного уровня их родителей, период подготовки которых приходился преимущественно на советский период. Другими словами, для старших поколений характерно большее количество людей с низким уровнем образования и меньшее – с высокой образовательной подготовкой.

С течением времени старшее поколение постепенно вымывается с рынка труда, освобождая места для молодых работников с более высоким уровнем образования, что вероятнее всего и обусловливает столь значительные сдвиги в образовательной структуре занятых. Эти изменения, вполне возможно, стали причиной частичного вакуума рабочих мест, не требующих наличия квалификации и в результате заполненных неквалифицированной рабочей силой иммигрантов из “ближнего зарубежья”.

Однако мы не будем спешить с выводами относительно характера воспроизводства образовательного потенциала экономически активных сограждан, а именно его поступательного развития по сравнения с предыдущими поколениями, наблюдаемого по формальным признакам. Даже несмотря на растущую индивидуальную отдачу от инвестиций в образование[4], определяющую полезность данного вида ресурса для конкретного работника, нельзя исключительно на этом основании утверждать, что мы имеем дело с его эффективной реализацией в контексте развития экономики в целом. Пока можно лишь судить о постепенной нормализации и стабилизации процессов, формирующих образовательную структуру занятости в современной России.

Рассмотрим также проблему влияния социального статуса родителей респондентов на результаты их социальной карьеры (см. табл. 4). Здесь выявляется закономерность, в силу которой разные социокультурные группы воспроизводят сами себя.

В социологической литературе традиционно в качестве референта социального происхождения рассматривался отец. По его социальной позиции обычно определяли социальное происхождение индивида, через социальный статус отца исследовали

[4] Несмотря на то, что оценка отдачи от инвестиций в образование не в круге наших приоритетных интересов, мы оценивали регрессию “минсеринского вида” для изучения влияния на заработную плату факторов образования и профессионального опыта. Коэффициент в модели, отражающий норму отдачи, вырос с 0,037 (1994 г.) до 0,087 (2002 г.) и 0,091 (2006 г.) при соответствующей доле объясняемой моделью дисперсии 5,2%, 6,8% и 8,2%. К сожалению, несмотря на однопроцентную значимость всех коэффициентов, объясняющая сила этой модели в России пока оставляет желать лучшего.

Таблица 5

Связь социального статуса респондентов различных возрастных когорт с социальным положением их родителей (в коэффициентах Крамера)

Социальный статус родителей к началу респондентом трудовой деятельности	Социальный статус респондента в момент опроса		
	18–29 лет	30–49 лет	более 50 лет
Отец	0,163 / 0,204 / 0,257	0,140 / 0,156 / 0,147	0,148 / 0,379 / 0,219
Мать	0,202 / 0,196 / 0,218	0,147 / 0,170 / 0,152	0,199 / 0,330 / 0,229

Примечание. Через черту приводятся данные опросов 1994, 2002 и 2006 гг., соответственно. Все коэффициенты значимы на однопроцентном уровне значимости.

влияние происхождения на жизненные траектории индивида. Однако в современных условиях вопрос о превалирующем влиянии отца на формирование индивида не может решаться однозначно. Подтверждение этому мы находим в показателях таблицы 4.

Из них следует, что разница в силе влияния отца и матери на процесс формирования социально-профессионального статуса незначительна, причем она практически нивелируется в ходе социальной карьеры индивида. Тем не менее, согласно данным всех трех опросов, мать оказывает большее воздействие на первоначальную социально-профессиональную позицию респондента, причем данное утверждение работает как для начала их трудовой деятельности, так и для текущего социально-профессионального положения. Не претендуя на исчерпывающее объяснение данному феномену, вполне можно предположить, что такая связь может быть вызвана большей осведомленностью респондентов о своих матерях вследствие их, как правило, меньшей смертности по сравнению с отцами (например, в 1994 г. на блок вопросов о матери смогли ответить 1750 респондентов, тогда как по отцу – 1488). Кроме того, из таблицы 4 коэффициентов следует, что связь социального статуса родителей и респондентов к моменту начала ими трудовой деятельности в период значительных социальных и экономических перемен начала 1990-х гг. была слабее, чем в стабилизировавшемся обществе 2006 г.

Тем не менее таблица 4 предельно лаконична по своему содержанию, поскольку дает лишь общее представление о том, в какой мере социальные статусы респондентов задаются их социальным происхождением. В этой таблице смешаны не только разные социальные группы, но и целые поколения, представленные в опросах, что обусловливает смазанность результатов и не позволяет раскрыть реальный характер преемственности. Чтобы внести бóльшую ясность, необходимо, во-первых, выяснить источники пополнения различных социально-профессиональных групп и, во-вторых, ограничиться рассмотрением респондентов, принадлежащих к одному поколению, поскольку при одновременном включении в анализ нескольких поколений (возрастных когорт) могут иметь место значительные смещения.

В каждом из опросов нами была выделена группа респондентов, возраст которых укладывается в границы от 30 до 49 лет. Эта достаточно многочисленная группа представлена, как правило, уже сформировавшимися личностями, находящимися в расцвете сил и имеющими определенные карьерные достижения. Предполагается, что эффект влияния родительской семьи на статус представителей данной возрастной группы уже сыграл свою роль. Кроме того, для компенсации случайных смещений, которые могут возникнуть из-за сокращения наблюдений в связи с вводимыми возрастными ограничениями, мы объединили некоторые из социально-профессиональных групп в нашей классификации (см. легенду к табл. 5).

Еще одна весьма распространенная проблема на пути к определению характера социально-профессиональной преемственности – не только различие во влиянии ха-

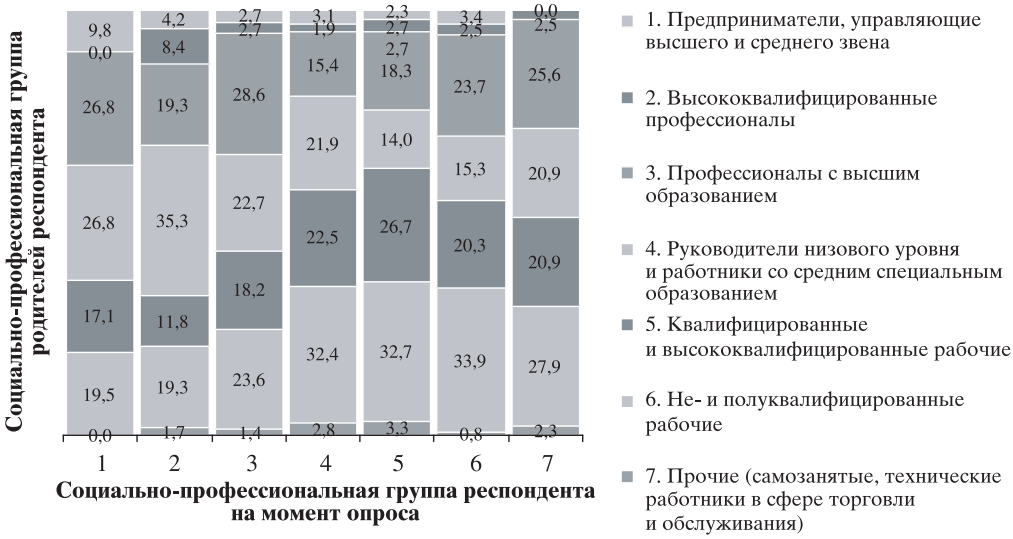

Рис. 1. Социальное происхождение респондентов в возрасте от 30 до 49 лет, принадлежащих к разным социально-профессиональным группам (по данным 1994 г.).

рактеристик отца и матери на социальный статус респондента, но и нередко встречающаяся неоднородность семей по этому признаку. Один из способов решения данной проблемы – построение специальной типологии семей, объединяющей в себе эти характеристики и, как правило, приписывающей семье доминирующий социальный статус одного из родителей. Однако наша классификация не позволяет строго ранжировать социально-профессиональные статусы, поскольку представленные в ней группы объединены по ряду признаков, которые не являются синхронными: так, при определенных социальных различиях невозможно, например, четко определить, на каких ступенях социальной иерархии находятся по отношению друг к другу работники со средним специальным образованием и высококвалифицированные рабочие. Чтобы решить эту проблему, мы прибегли к следующему обобщению. Социальное происхождение групп рассматривается нами на уровне сводных данных о распределении социально-профессиональных признаков родителей респондентов. Иными словами, размер сегментов столбиков на рисунках 1 и 2 следует читать как долю представителей тех или иных социально-профессиональных групп в системе родительских связей респондентов, что в известной степени может рассматриваться как признак, характеризующий происхождение респондентов.

Результаты расчетов по материалам опроса 1994 г. наглядно подтверждают ранее полученный вывод о том, что социально-профессиональные группы имеют выраженную тенденцию к самовоспроизводству. Так, заметно, что относительно чаще, чем в остальных социально-профессиональных группах, статус предпринимателей и управляющих имеют родители тех респондентов, чей род занятий на момент опроса также попадает в эту группу (9,8% случаев). Аналогичная картина наблюдается в среде высококвалифицированных профессионалов (8,4%), профессионалов с высшим образованием (28,6%), квалифицированных (26,7%) и малоквалифицированных рабочих (33,9%). Причем, если у работников преимущественно умственного труда (группы 1, 2 и 3) структура социально-профессиональных связей по родительской линии имеет крен в пользу соответствующих групп, то такая схожая ситуация, только наоборот, наблюдается у рабочих – с перекосом в сторону профессий, связанных с выполнением физического труда. Так, в два раза реже, чем у рабочих (54,2–59,4%), в среде высококвалифицированных профессионалов встречаются родители – выходцы из среды рабочих (31,1%). Это наглядно демонстрирует тот факт, что социальное происхождение

Рис. 2. Социальное происхождение респондентов в возрасте от 30 до 49 лет, принадлежащих к разным социально-профессиональным группам (по данным 2006 г.).

семьи респондента в известной степени оказывает влияние на его жизненные шансы. Однако можно также заметить, что, несмотря на определенные различия, в рассматриваемой структуре отношений "родители–дети" реализуется модель социально-профессиональной структуры общества в целом (см. табл. 1), где наиболее массовые слои представлены рабочими и работниками нефизического труда средней и низшей квалификации.

Для того чтобы оценить, насколько изменился характер наследования неравенства в нашей стране спустя 13 лет, обратимся к данным опроса 2006 г. (см. рис. 2). Во-первых, нашла свое отражение отмеченная ранее тенденция к сокращению доли малоквалифицированных рабочих в структуре российского населения, в основном, за счет заполнения соответствующих позиций притекшей из стран "ближнего зарубежья" рабочей силой. Мы видим, что доля представителей этой социальной группы среди родителей респондентов в целом сократилась практически у всех опрошенных. Причем наибольшее сокращение пришлось именно на группы, представленные работниками умственного труда высокой квалификации (8,1–9,7% в 2006 г. против 19,3–19% в 1994 г.). В то же время, заметно, что представители рабочих профессий различной квалификации в большей степени, чем в 1994 г., пополняются из рабочих семей: доля родителей из соответствующих социальных групп у них составляет 80,0–84,3% против 54,2–59,4% в 1994 г. Это означает, что ресурсов и возможностей для расширенного воспроизводства себя в новом качестве у выходцев из данной группы практически нет.

Судя по обоим рисункам, а также предшествующему анализу, в настоящий момент в современном российском обществе происходит консервация сложившейся за постсоветский период системы социального неравенства. С одной стороны, практически окончательно оформилась социально-экономическая модель развития страны, которая, вопреки многочисленным заявлениям официальных лиц, характеризует наше общество скорее как позднеиндустриальное, где подавляющая часть населения занята в сфере обслуживания и на промышленном производстве, не требующих значительной квалификации. С другой стороны, преимущественно в этих социальных группах сужаются возможности для социально-профессиональной мобильности, происходит их закрепление на низших ступенях социальной иерархии.

Как уже было отмечено, влияние фактора возраста может иметь существенное значение при анализе характера преемственности между поколениями. Данные таблицы 5 демонстрируют устойчивость в разрезе возрастных когорт (а учитывая социальные потрясения последних двух десятилетий, и исторических поколений) примерно равного влияния статусов обоих родителей на социальный статус детей при несколько большем влиянии статуса матери. Характерно меньшее влияние социального статуса родителей на положение детей в обществе по отношению к поколению, чьи первые шаги в социальной карьере пришлись на конец 1980-х – первую половину 1990-х гг., то есть на пик трансформационного сдвига с возросшим влиянием случайных факторов и индивидуальных характерологических особенностей, и главное – сменой критериев социального статуса. У этого промежуточного (по критериям 2006 г.) поколения существовал более широкий выбор направлений социальной мобильности, чем у младшего и старшего поколений. Они значительно реже наследовали профессии и социальные позиции своих родителей.

Процесс формирования социально-профессионального статуса представителей вновь вступающих в жизнь поколений условно можно расчленить на два разнонаправленных процесса при смене поколений. С одной стороны, наблюдается статистически существенная межпоколенная преемственность социальных статусов, с другой – интенсивная социальная мобильность: освоение новых профессий, смена вида и сферы трудовой деятельности, приобретение качественно иного опыта и знаний, изменение ценностных ориентаций.

Второй важнейший показатель влияния родительской семьи на социальную карьеру респондентов – уровень образования родителей. Он в решающей мере воздействует на степень развитости культурной микросреды детей, которая активно влияет на формирование их качественных характеристик в процессе социализации. В 2006 г. в слое малоквалифицированных рабочих, практически пополняющемся выходцами из наименее культурных групп населения, имеющих низкий образовательный уровень, 47% имели отца с неполным средним образованием. У квалифицированных рабочих отцов с тем же образованием было 40%; у 27% из них отцы имели среднее специальное образование, а у 9% высшее. Заметим при этом, что наследование образовательного уровня родителей при его более низком уровне более выражено у малоквалифицированных рабочих, чем у работников квалифицированного физического труда (см. табл. 6).

В группах лиц управленческого и интеллектуального труда, требующего солидной общеобразовательной и специальной подготовки, особенно высока степень передачи ценностей образования от родителей к детям. Так, у профессионалов с высшим образованием в 18% случаев отцы не имели полного среднего образования, 32% получили среднее специальное образование и 35% – высшее. У менеджеров (управляющих высшего и среднего звена) соответствующие показатели составили – 21%, 39% и 33%. При этом перечисленные социально-профессиональные группы также характеризуются наиболее высокими показателями связи между уровнем образования родителей и уровнем образования респондентов на протяжении всех трех опросов (см. табл. 6). Это говорит о том, что накопленный предшествующими поколениями социальный потенциал лишь у определенной части респондентов воспроизводится в том же виде, а для многих – служит базой для повышения социального статуса.

Характер внутрисемейной преемственности можно рассматривать и в контексте влияния территориальной общности, к которой принадлежат индивиды, – она является по отношению к ним социальной мезосредой. Эти различия наблюдаются, в частности, в типах городских поселений, выделенных по признакам развитости производственной структуры и социально-бытовой инфраструктуры. Воспроизводящиеся на неравномерно развитой материальной основе городские территориальные общности обладают в связи с этим специфической, не в равной мере продвинутой социальной структурой. Люди, проживающие в различного типа городах, имеют неодинаковые возможности приобщения к культуре, получения образования, удовлетворения сво-

Таблица 6

Зависимость уровня образования респондента в момент опроса от уровня образования отца/матери к моменту начала респондентом трудовой деятельности (в коэффициентах Крамера)

Социальный статус респондента	1994 г.	2002 г.	2006 г.
1. Предприниматели	0,347	0,292	0,298
	(0,662)	(0,187)	(0,157)
2. Управляющие высшего звена и чиновники	0,669	0,729	–
	(0,444)	(0,271)	
3. Управляющие среднего звена	0,516	0,396	0,466
	(0,250)	(0,361)	(0,000)
4. Руководители низового уровня	0,300	0,252	0,238
	(0,103)	(0,032)	(0,097)
5. Высококвалифицированные профессионалы	0,259	0,228	0,320
	(0,332)	(0,866)	(0,004)
6. Профессионалы с высшим образованием	0,278	0,150	0,178
	(0,000)	(0,664)	(0,077)
7. Работники со средним специальным образованием	0,189	0,173	0,178
	(0,112)	(0,073)	(0,041)
8. Технические работники (в торговле, обслуживании)	0,465	0,202	0,202
	(0,008)	(0,032)	(0,079)
9. Квалифицированные и высококвалифицированные рабочие	0,242	0,170	0,161
	(0,000)	(0,000)	(0,000)
10. Не- и полуквалифицированные рабочие	0,304	0,182	0,260
	(0,000)	(0,018)	(0,000)
11. Самозанятые	0,707	0,866	0,306
	(0,368)	(0,116)	(0,195)

Примечание. Значимость коэффициентов приводится в скобках под соответствующим значением коэффициента. При проведении расчета нами выбирался тот из родителей, чей уровень образования был выше.

их бытовых потребностей. Принадлежность людей к общностям, различающимся по критерию доступного разнообразия видов производственной и непроизводственной деятельности, во многом предопределяет различия в характере социально-демографического воспроизводства.

Вопрос об особенностях социального воспроизводства в поселениях разного типа неоднократно обсуждался в отечественной литературе. Как, в частности, показано в одной из последних работ [Смыслов, 2007], именно в поселках городского типа и селах и к концу 2006 г. не был восстановлен человеческий капитал наших сограждан. В то же время население столиц и городов-миллионников оставило позади уровень человеческого капитала конца 1980-х гг. Было также замечено, что в крупных полифункциональных городах социальные перемещения населения проходят активнее, чем в городах меньшего размера и селах, где меньше набор отраслей экономики, меньше социально-культурных и профессиональных позиций. Поэтому мы ограничимся лишь несколькими примерами.

Наглядно предстает роль типа поселения как среды социализации на разных этапах жизненного пути индивида при рассмотрении следующих данных. Наше исследование показало, что по опросу 1994 г. из респондентов, начавших обучение в сельской школе, а свою трудовую деятельность – неквалифицированными рабочими, 36,1% остались в том же слое, 26,6% перешли в слой квалифицированных рабочих, 3,2% стали техническими работниками в сферах бытовых услуг и организации, работниками со средним специальным образованием – 12,7%; и лишь 8,9% стали работниками умственного

Таблица 7

Связь социального статуса респондентов с социальным положением их родителей в разрезе различных типов поселения (в коэффициентах Крамера)

Социальный статус родителей к началу респондентом трудовой деятельности	Социальный статус респондента в момент опроса		
	сельская местность	провинциальные города	мегаполисы
Отец	0,111 / 0,211 / 0,170	0,102 / 0,122 / 0,149	0,188 / 0,253 / 0,174
Мать	0,150 / 0,232 / 0,193	0,119 / 0,171 / 0,154	0,234 / 0,289 / 0,243
	Социальный статус респондента в начале трудовой деятельности		
Отец	0,135 / 0,163 / 0,246	0,111 / 0,159 / 0,155	0,193 / 0,221 / 0,202
Мать	0,159 / 0,222 / 0,231	0,154 / 0,147 / 0,152	0,309 / 0,297 / 0,197

Примечание. Через черту приводятся данные опросов 1994, 2002 и 2006 гг., соответственно. Все коэффициенты значимы на однопроцентном уровне значимости.

труда, занятыми на должностях, требующих высшего образования. Из малоквалифицированных рабочих, начавших обучение в школе крупного города, 33,3% остались в слое, 16,7% стали квалифицированными рабочими, 5,0% – техническими работниками, 15,0% – служащими со средним специальным образованием, 15,0% – профессионалами с высшим образованием, 10,0% – высококвалифицированными профессионалами.

А теперь обратимся к данным опроса 2006 г. Несложно заметить, что социальные катаклизмы 1990-х гг. не могли не проявиться в процессах карьерной мобильности. Данные свидетельствуют, что работники, начавшие школьное обучение в менее развитых территориальных средах, более стабильны в слое. По опросу 2006 г. оказалось, что среди квалифицированных рабочих здесь остались 49,9% выходцев из деревни и 50,1% горожан. Соответственно, в слое технических работников – 49,6% и 50,4%. Причем среди выходцев из сельской местности большее количество (по сравнению с горожанами) переходит в менее продвинутые социальные слои. Например, из квалифицированных рабочих занялись неквалифицированным физическим трудом, соответственно, 13,7% и 9,0%; из слоя работников с высшим образованием перешли на позиции, не требующие такового образования, 10,7 и 5,7%, стали квалифицированными рабочими – 3,8% и 1,9%.

Тип поселения оказывает влияние на направленность мобильности индивидов. Результаты исследования показывают, что выходцы из крупных городов (региональных центров, а также мегаполисов страны – Москвы и Санкт-Петербурга) гораздо сильнее, чем выходцы из сельской местности и малых городов, ориентированы на профессии с творческим характером труда и управленческую деятельность. Так, среди первых в 2006 г. 4,5% занимали позиции управляющих высшего и среднего звена, 23,4% – высококвалифицированных профессионалов и профессионалов с высшим образованием; среди выходцев из менее развитых территориальных сред 3,0% попали в группы менеджеров и 10,7% – квалифицированных работников умственного труда. Приведенные данные говорят о том, что выходцы из менее развитых территориальных сред обладают меньшим темпом социального продвижения, сфера доступного разнообразия мест приложения труда для них существенно у́же, чем для тех, кто вырос в более развитом типе поселения (см. табл. 7).

Из приведенных данных, во-первых, следует, что наименьшая преемственность социальных статусов наблюдается в провинциальных городах. То есть влияние социального статуса родительской семьи наиболее сильно на полярных по степени своей развитости территориях – в селах и высокоурбанизированных Москве и Санкт-Петербурге (мегаполисы). С чем это может быть связано? С одной стороны, как и предполагалось, менее развитые территориальные среды – села и поселки городского

типа – предоставляют существенно меньше возможностей для социального развития индивидов, в том числе, за счет существенного ограничения их территориальной мобильности и специфического набора доступных им родов занятий. Наличие более развитой инфраструктуры в провинциальных городах способствует большей диверсификации как производственной, так и внепроизводственной деятельности граждан, что значительно повышает интенсивность их социальных перемещений и делает их менее предсказуемыми. Следуя этой логике, можно было бы ожидать, что в российских мегаполисах преемственность социального положения должна быть наименьшей, а формирующийся у индивида статус – носить более случайный характер.

С другой стороны, этому противоречат реальные данные: социальные статусы родителей и самих респондентов в Санкт-Петербурге и Москве связаны почти так же сильно, как и у сельских жителей. Дело в том, что высокая степень развитости территориальной среды в этих мегаполисах соответствует выполняемой ими роли в экономической, политической и социальной жизни страны. Отсюда особый тип социально-профессиональной структуры занятого в них населения, в котором преимущественную часть составляют работники сферы обслуживания, организации управления, а также профессионалы и прочие работники высококвалифицированного умственного труда. Высокая динамичность и конкурентность городской среды в мегаполисах обусловливают не только высокий спрос, но и реальное приложение социальных и культурных ресурсов семьи для обеспечения социального продвижения молодого поколения. Поэтому, несмотря на широкие возможности, которые предоставляет высокоразвитая городская инфраструктура Москвы и Санкт-Петербурга по сравнению с другими городами, семейный капитал (социальный, культурный и человеческий) приобретает здесь особое содержание и превращается в реальный инструмент, обеспечивающий ее социальное воспроизводство.

Наконец, подводя черту под вышепроведенным анализом, представляется важным оценить общий характер изменений в динамике статусов респондентов, произошедших в России за период, охватываемый нашими представительными опросами. Данные свидетельствуют, что интенсивность индивидуальных социальных перемещений постепенно снизилась: если в 1994 г. 52,8% респондентов были включены в простой тип социально-профессионального воспроизводства (под которым подразумевается отсутствие изменений в социально-профессиональном статусе на момент опроса по сравнению с его уровнем на начало трудовой деятельности), то в 2002 и 2006 гг. этот показатель составил 54,7% и 56,7%, соответственно. При этом расширенный тип социально-профессионального воспроизводства в 2006 г. был отмечен лишь в 13,1% случаев, что выше, чем в 1994 г. (12,2%), но значительно ниже показателя 2002 г. – 16,7%. Таким образом, импульс, заданный социально-экономической трансформацией начала 1990-х гг. и открывший определенные возможности для социально-профессионального роста россиян, уже к концу 2006 г. был практически исчерпан, и тенденция к нисходящей социальной мобильности становится все более выраженной. Это подтверждает не раз высказанное нами предположение о “застойности” социальной структуры современной России и отсутствии позитивных сдвигов в ее динамике.

* * *

Специфика исследования заключалась в том, что благодаря уникальной информационной базе мы имели возможность раскрыть реальные траектории жизненных путей респондентов, их родительских и собственных семей. Фактически речь шла о трех поколениях: родителях респондентов, жизненном пути самих опрошенных и их взрослых детях. Учитывая разновозрастность респондентов, нами были построены траектории жизненных путей, охватывающих почти весь советский и послесоветский периоды развития России. Поэтому мы имеем дело не просто со статичными образами населения, где социальные характеристики индивидов выступают как определенная данность, а с историями их социализации и развития. Мы выяснили зависимость траектории индивидуального жизненного пути от социальной микросреды (состояния

культурных ресурсов родительской семьи, а также собственной семьи респондента) и стратегий поведения родителей и респондентов в воспроизводстве человеческого капитала следующих поколений, а также исследовали возможности использования культурных ресурсов мезосреды, то есть поселений. В следующем номере журнала начатый нами анализ социокультурной преемственности в российских семьях будет продолжен самостоятельным исследованием одного из авторов данной статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Берто Д. Полезность рассказов о жизни для реалистичной и значимой социологии // Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ. Труды ЦНСИ. 1997. № 5.

Берто Д., Берто-Вьям М. Семейное владение и семья // Социологические исследования. 1992. № 12.

Биографии семей как объект социологического исследования. М., 1996.

Вахштайн В.С. Стратегии обеспечения равенства образовательных возможностей в странах ОЭСР: сравнительный анализ // Бюллетень Центра ОЭСР–ВШЭ. 2005. № 3.

Геллнер Э. Экономическая интерпретация истории // Экономическая теория. М., 2004.

Градосельская Г.В. Образовательно-экономические стратегии населения // Вестник РУДН. Социология. 2003. № 1.

Константиновский Д.Л. Неравенство и образование: опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы–начало 2000-х). М., 2008.

Константиновский Д.Л., Вахштайн В.С., Куракин Д.Ю. "Бег с препятствиями". Кому доступно качественное общее образование? // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 7. М., 2008.

Мкртчян Г.М. Стратификация молодежи в сферах образования, занятости и потребления // Социологические исследования. 2005. № 2.

Образование и общество. Готова ли Россия инвестировать в свое будущее? Доклад Общественной палаты Российской Федерации 2007 // Вопросы образования. 2007. № 4.

Рощина Я.М. Доступность высшего образования: по способностям или по доходам? // Университетское управление: практика и анализ. 2005. № 1.

Рощина Я.М. Неравенство доступа к образованию: что мы знаем об этом? // Проблемы доступности высшего образования. Научные проекты НИСП – IISP Working Papers WP3/2003/01. М., 2003.

Смыслов Д.А. Динамика и воспроизводство человеческого капитала жителей России в контексте социально-групповой и поселенческой дифференциации // Мир России. 2007. № 3.

Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М., 1992.

Социальная дифференциация высшего образования. М., 2005.

Шишкин С.В. Доступность высшего образования для населения России: что показывают результаты исследований // Университетское управление: практика и анализ. 2005. № 1.

Шкаратан О., Инясевский С., Любимова Т. Новый средний класс и информациональные работники на российском рынке труда // Общественные науки и современность. 2008. № 1.

Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. Социально-профессиональная структура населения России. Теоретические предпосылки, методы и некоторые результаты повторных опросов 1994, 2002, 2006 гг. // Мир России. 2007. № 3.

Bourdieu P. The Education System and the Economy: Titles and Jobs // French Sociology. Rupture and Renewal Since 1968. 1981. № 9.

Bourdieu P., Passeron J.C. Reproduction in Education. Society and Culture. London, 1977.

Giddens A. The Growth of the New Middle Class // The New Middle Classes. Life-styles, Status Claims and Political Orientations. London, 1995.

Goldthorpe J. Occupational Sociology, Yes: Class Analysis, No: Comment on Grusky and Weeden's Research Agenda // Acta Sociologica. 2002. Vol. 45. № 3.

Goldthorpe J., Lockwood D., Bechhofer F., Platt J. The Affluent Worker: Industrial Attitudes and Behavior. Cambridge, 1968.

Goldthorpe J., Lockwood D., Bechhofer F., Platt J. The Affluent Worker in the Class Structure. Cambridge, 1969.

Mobility and Inequality: Frontiers of Research in Sociology and Economics. Stanford, 2006.

Robinson R.V., Garnier M.A. Class Reproduction among Men and Women in France: Reproduction Theory on its Home Ground // American Journal of Sociology. 1985. № 2. September.

© О. Шкаратан, Г. Ястребов, 2010